

А. В. КОЗЛЕНКО, аспирант БГУ

ОСНОВАНИЕ ИСПАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Автору хотелось обсудить некоторые вопросы, связанные с изучением провинциальных структур Римской державы II в. до н. э. В качестве материала для рассмотрения предлагается Испания и проблемы, связанные с утверждением здесь римской власти.

В поле зрения Рима Испания впервые появляется в связи с активной политикой Баркидов. В 231 г. римское посольство посетило Гамилькара в его резиденции Акра Левке. В 226 г. с его наследником Гасдрубалом был заключен договор, ограничивший продвижение карфагенян рекой Ибером. Договор не создавал римского присутствия в регионе, но при его составлении римляне учли интересы своего союзника Массалии. Расположенный на Ибере испанский город Сагунт, опасаясь карфагенян, заключил союзный договор с Римом. Когда в 219 г. Ганнибал захватил и разрушил Сагунт, римляне обвинили его в

нарушении договора 226 г. Эти собыгия стали предлогом для II Пунической войны. В 218 г. сенат назначил Испанию провинцией для консула Публия Сципиона. С армией, включавшей 2 римских легиона, 14 тыс. пехоты союзников и 1600 всадников, консул отправился на фронт боевых действий. После гибели Сципиона и его легата в 212 г. испанскую армию возглавил пропретор Г. Клавдий Нерон. В 210 г. командование в Испании получил Сципион, сын погибшего Публия. Так как он был еще очень молод, чтобы занимать государственную должность, связанную с получением империя главнокомандующего, народное собрание вручило ему полномочия проконсула экстраординарно. С прибытием Сципиона римская армия в Испании увеличилась до 35 тыс. воинов. В течение 4 лет римляне вели победоносные войны на полуострове. Карфагеняне были разбиты. В 205 г. их последний военачальник покинул Испанию. Сципион сложил полномочия и, передав командование легату, отправился в Италию. Помня об одержанных в провинции победах, Сципион претендовал на триумф. Сенат рассмотрел вопрос о триумфе и отклонил его на том основании, что полномочия проконсула получены им экстраординарно. Сципиону и его легатам было предложено довольствоваться овацией. (Liv., 28, 38, 1).

В течение 205–197 гг. Испания управлялась легатами сената с полномочиями проконсула. Чрезвычайное положение Испании, как провинции римского народа, определялось сохранением военного присутствия легионов. Пока продолжалась война с карфагенянами это было обусловлено законами военного времени. После заключения мира Карфаген должен был формально отказаться от претензий на Испанию. Стоявшие в провинции войска в 201 г. были выведены. Новые, пришедшие им на смену из Италии, составляли в сумме 1 легион и 15 когорт союзников (Liv., 30, 41, 5) Дальнейшее состояние Испании зависело от оправданности нахождения здесь римских войск. Известно, что во II в. до н. э. сенат старался по возможности избегать ответственности прямого управления завоеванными территориями. Разгромив противника, римляне стремились опереться на поддержку союзников, для чего расширяли территорию и укрепляли власть их правителей. На международной арене Рим выступал гарантом законности и порядка; укрепляя положение союзников, он стремился не допустить распространения анархии после неизбежного вывода легионов. Отношения с политической клиентеллой не препятствовали присутствию римлян в регионе и позволяли им дистанцироваться от методов прямого правления¹.

После Сицилии и Сардинии Испания стала третьей по счету заморской провинцией Рима. При соответствующем утверждении проводится жесткое разграничение между тем, что было до и тем, что стало после обращения завоеванной территории в провинцию. Одним из главных отличий при этом считается утверждение принципа прямого управления, под которым следует понимать основание устойчивых властных структур. Изучение провинциальной структуры эпохи Республики пребывает в состоянии движения, поскольку разработки последних 20 лет сильно поколебали наиболее авторитетные концепции. Разница в подходах, прежде всего, проявляется в оценке роли устойчивых структур при основании провинций. В качестве позитивных признаков историография оценивает образование интегрированного сообщества, эффективное разрешение социальных конфликтов, а также практику целенаправленной организации всей общественной и политической жизни. Соответствующим выражением этих признаков является романизация провинций, распространение системы римского права, гибкая политика в отношении гражданства². Оппонентами обращается внимание на то, что ни один из этих принципов не был сформулирован в античности. Более того, выясняется, что в понимании сущности империи, *аగсанум imperii*, римляне исходили из совершенно иных позиций³. Античное общество не знало того высокого уровня централизации, который был, достигнут современной цивилизацией. Не имея соответствующего аппарата, римляне не были в состоянии осуществлять должный контроль над подданными. По этой причине критерий прямого управления, который современная историография империализма выдвигает на первое место, в античности не мог ставиться по причине отсутствия соответствующих предпосылок. Возможно, что наиболее точно эту сущность империи отразил Ф. Миллар: «Империя — это не организация отделений и административных иерархий, но построение институтов, общин и лиц, отношения между которыми зависели от политического или дипломатического выбора, который мог быть сделан любой из сторон. То, что считается администрацией, было в действительности по большей части либо юрисдикцией и урегулированием споров, либо дипломатией»⁴. Реально существовавшие провинциальные структуры, всегда крайне неразвитые, это всегда ответ на конкретную ситуацию и в большей степени итог инициативы снизу, чем прямого приказа сверху. Использование такого подхода предполагает перенос основной тяжести исследования

с изучения легальных схем и структур на изучение образа действий римских командиров и то, как эти действия воспринимались местным населением⁵. Утверждение римской власти должно быть прослежено как процесс исторический, эволюционировавший и развивавшийся, нежели как что-то застывшее и созданное раз и навсегда при «организации провинции».

Антиномия между отсутствием формальной структуры власти и фактом римского присутствия поднимает важный вопрос, который не ограничивается Испанией, но касается природы Римской империи в эту и последующую эпоху. II Пуническую войну в Испании римляне вели, опираясь на отряды, выставленные их испанскими союзниками. В провинции сложилась широкая система договоров и личных обязательств, связывавших римских военачальников с вождями ряда испанских племен. В разное время около 30 из них удостоилось звания «Друга и союзника римского народа». Помимо системы клиентских отношений с римлянами или карфагенянами, задолго до их появления в Испании, здесь уже существовала система взаимоотношений местных общин и племен друг с другом. Традиционная вражда могла разъединять племена, входившие в один лагерь или сплачивать примкнувшие к враждебным партиям. Междоусобные столкновения активизировались сразу, как только исчез общий противник. Уже в 206 г. отряды римских союзников илергетов вместе с дружественными им лацетанами и кельтибераами напали на других римских союзников свессетанов и седетанов. В 205 г. римляне вмешались в другой конфликт и разгромили армию илергетов, авсетанов и седетанов. Побежденные должны были выплатить дань в двойном размере, выдать оружие и заложников, принять на постай римские гарнизоны (App. Iber., 38).

Перед угрозой расширения конфликта временная оккупация превращалась в постоянное военное присутствие легионов. Ввязавшись в междоусобную войну племен, Рим уже не мог выйти из нее без ущерба для своего положения. Этот ущерб исчислялся в погибших людях и в падении авторитета римлян среди испанских союзников. После победы над карфагенянами авторитет римских военачальников стоял очень высоко. Они принимали посольства от дальних племен, искавших покровительства римского народа и в качестве арбитра выступали при судебных тяжбах испанцев. В тени их покровительства находились те, кто, пользуясь славой друга римлян, добивался высокого положения в

своих общинах. Стремление этих людей опереться на союз с Римом, и долг римлян, в качестве патронов соблюдать интересы и пользу своих клиентов, немало способствовали утверждению римской власти в недавно завоеванной территории провинции⁶. Обратной стороной подобных отношений был рост напряженности внутри испанских общин. В повседневной борьбе групп элиты главным критерием политического успеха стала приверженность или антипатия к римлянам. Поражение того или иного лидера означало не только поражение его личной партии, но и поражение того курса, которого община придерживалась в отношениях с Римом. Как следствие, антиримские лозунги стала использовать определенная часть элиты при продвижении к власти.

С выступления илергетов начинается эра борьбы испанских племен за независимость. В 200 г. римский наместник Г. Корнелий Цетег победил восставших седетанов. В 198 г. Гн. Корнелий Блазион одержал победу над восставшими где-то в Ближней Испании. Наконец, в 197 г. началось великое восстание, продлившееся практически без перерыва до 178 г.

Все это время римские войска оставались на территории провинции, защищая ее от набегов варваров и предпринимая ответные вторжения. Легаты сената, посылаемые в Испанию в период с 210 по 197 г. прежде всего, являлись военными командирами. Их власть была достаточной, чтобы в военное время командовать размещенными в провинции легионами. Это немало повлияло на оформление представления о провинции, как продолжающейся военной оккупации. Другой важной обязанностью римского наместника был суд. Для разрешения судебных тяжб между римскими гражданами и перегринами в крупнейшие города Испании присыпались префекты (*praefecti iure dicundo*). Для богатых городов, пользовавшихся издревле правом самоуправления, присылка префекта выглядела нарушением их исконных прав. По этой причине в 199 г. Гадес обратился в сенат с просьбой не присыпать более префекта, если в договоре, заключенном при сдаче города, не было пункта, обязывающего их это делать (*Liv. 32, 2, 5*). Сенат удовлетворил прошение. Количества дел со временем возрастало и в 197 г. было принято решение избирать отныне 2 добавочных преторов для Испании, где они в качестве полноправных магистратов должны были осуществлять военное командование и верховную юрисдикцию. Одновременно Испания была разделена на Ближнюю и Дальнюю провинции. Эта

дата традиционно считается датой основания испанской провинции. На самом деле ее началом следует считать 218 г., когда в Испании высадился консул Сципион. В 197 г. не произошло качественных изменений состояния провинции, лишь преторам, в соответствии с римской практикой было приказано точно определить границы областей их юрисдикции⁷. Это не создавало устойчивой территории, находящейся под контролем римских властей. Граница постоянно расширялась в сторону варваров вслед за победоносными походами римских военачальников. В военном отношении граница между провинциями была совершенно прозрачна, что доказывают неоднократные переходы войск из одной провинции в другую.

¹ Badian E. Roman Imperialism of the Late Republic. Oxford, 1968, p. 5.

² Крист К. История времен римских императоров. т. 1, М., 1997, С. 29.

³ Bowersock G. W. A post-imperial perspective on the Roman Empire / ВДИ, 1997, 4, С. 89.

⁴ Millar F. The Emperor, the Senat and the Provinces / JRS. 1966, 56, p 166.

⁵ Смыслиев А. П. Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии. / ИРЖРАНИОН, Общественные науки за рубежом. Сер. 4 Государство и право. 1991, 5. С. 71.

⁶ Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. Berkeley-Los Angeles-Oxford, 1992, p .32.

⁷ Дюно Ж. Ф., Ариньон Ж. П. Понятие "граница" у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного / ВВ 1982, Т. 43. С. 64.